

НЕДЕЛЯ ТЕАТРАЛЬНОЙ
МОЛОДЕЖИ«БЫТЬ
БЕСПОКОЙНОЙ...»

Одна из примет осени — открытие театрального сезона. Приятное, волнующее явление для всех, кто любит театр.

Готовится зажечь огни рамп и Молдавский театр оперы и балета. На сцене и в репетиционных залах идут репетиции, проводятся концертмейстерские занятия, не прекращается тренаж артистов балета. Производственные цеха наводят последний «лоск» на декорации, проверяют состояние костюмов. Такая будничная и вместе с тем совершенно необычная атмосфера — здесь происходит таинство рождения искусства.

...Пишу эти строки в артистической комнате отдыха, в ожидании конца репетиции. Через несколько минут я встречу с молодым оперным режиссером Элеонорой Константиновой, чтобы представить ее читателям.

...Кажется, она совсем не устала после трех часов напряженной работы. Она вся еще там, в гуще страстей и событий, которыми только что управляла на сцене.

— Говорят, профессия режиссера не относится к числу женских. Как вы пришли к своему «ремеслу»?

— Мои родители — актеры. Известно, что у каждого актера есть заветная роль, о которой он мечтает всю жизнь. Для моей мамы, народной артистки МССР Екатерины Казимировой, такой ролью была Нора из пьесы Ибсена. Это имя она подарила мне. Вот и получилось, что моя причастность к театру началась прямо с пеленок.

В нашей семье считалось самой собой разумеющимся, что я пойду по стопам родителей, но жизнь внесла свои коррективы. Бывая на спектаклях, хотелось почувствовать себя не только в одной, пусть яркой роли, но и постичь внутренний мир всех персонажей. Позднее, читая пьесы, слушая оперные партитуры, я мечтала о создании образа всего спектакля, его сценической выразительности. Окончила Государственный институт искусств имени Г. Музическу, затем Ленинградскую консерваторию, класс профессора Р. Тихомирова.

— Ваш дебют в театре — «Евгений Онегин»...

— ...и одновременно моя дипломная работа. Почему именно «Онегин»? Признаюсь, я долго колебалась. Ведь трудно найти театр, где бы не шел этот спектакль. Когда-то его ставил великий Станиславский. Было боязно: сумею ли найти в нем свежие краски? И все-таки — «Онегин!» Я убеждена, что на каждом спектакле лежит двуединая печать — и времени, и личности постановщика. Хотелось, чтобы в этой опере действовали живые люди, которые, как и мы, любят, ревнуют, страдают, проявляют высокие человеческие качества. Спектакль адресован, в первую очередь, нашим юным современникам, в том числе и тем из них, у кого выработалось легкое, пренебрежительное отношение к святому чувству любви. Я пыталась утвердить ту мысль, что любовь, верность — категории, не подверженные веянию моды. Мне радостно, когда вижу на этом спектакле молодых людей — значит, труды были не напрасны. Успеху спектакля во многом способствовало и то, что исполнительский состав его, в основном, молодежный.

В свое время много писали о постановке «Евгения Онегина», осуществленной группой талантливых молодежи во главе с дирижером Д. Гоей и режиссером Э. Константиновой. Немало говорилось и о своеобразном прочтении партитуры.

— Как, по-вашему, должна звучать классическая опера на современной сцене?

— Вопрос непростой. Классическая опера соприкасается сегодня с совершенно другим зрителем, чем сто—двести лет назад, в момент своего появления. Где он, тот меломан, который приходил в театр с клавиром, садился спиной к сцене (чтобы ничего не отвлекало) и наслаждался бельканто, виртуозностью вокального исполнения и звучанием оркестра? Сегодняшний зритель ищет в оперном спектакле, помимо перечисленных качеств, живую мысль, ответы на вопросы, которые ставит само время. Сложно сейчас быть оперным актером. Кроме пения, от него требуется и большое сценическое мастерство, умение глубоко выныкнуть в образ. Нелегко приходится и оперному режиссеру. С одной стороны, у него партитура, которой следует сохранить верность, с другой — желание поспорить с композитором, сместить кое-какие акценты. Как трудно порой бывает меж двух огней!

— Какой вы представляете себе современную оперу?

— В первую очередь — талантливой. Кроме этого, она должна быть занимательной по сюжету, динамичной. Хочется, чтобы актер чувствовал себя в ней раскованно, пел и играл одинаково свободно. Иногда можно услышать, что сейчас нет достаточно ярких оперных тем. Странное заблуждение! Разве не благодатные оперные темы — подвиги Котовского и Лазо, «огненного тракториста» Николая Грибова, героинка нашей повседневности? Я верю, что такие произведения обязательно появятся.

— Сегодня вы известны как постановщик «Евгения Онегина», «Глиры», «Человеческого голоса», «Князя Игоря». В настоящее время работаете над новой сценической редакцией «Травиаты». Все ли ваши работы одинаково близки вам?

Элеонора молчит. Затем, смущенно улыбнувшись:

— Это трудный вопрос. Скажу лишь одно — над каждым спектаклем следует работать с полной отдачей, а каким он получится, судить самому строгому и беспристрастному судье — зрителю. Но если бы вы спросили, какой из моих спектаклей самый необычный, я бы назвала «Человеческий голос» французского композитора Пуленка. Это монодрама, в ней одно действующее лицо — женщина, несчастная в любви. Все действие — ее последний разговор по телефону со своим возлюбленным. В режиссерском плане опера очень сложна — буквально из «ничего» надо создать зрелищное представление. Трудно, но увлекательно. Я поставила этот спектакль в республиканском Доме актера (героиню играет Л. Михайлова), мечтаю перенести его на большую сцену.

— Чем вы заполняете свое время вне театра?

— Как и у каждой женщины, у меня много времени отнимают семейные дела. Двое ребятишек требуют постоянного внимания. Немного рисую. Очень люблю поэзию. Сейчас моим «помощником» в работе стал Блок.

— Что вы считаете главным в своей профессии?

— Беспокойство. Режиссер обязан постоянно познавать жизнь, людей, явления, все его должно трогать и волновать. Его должна мучить жажда творчества. Без этих качеств, по-моему, в театре делать нечего.

Интервью вел
А. ГРИГОРЬЕВ.